

Чесать марксистскую традицию против шерсти

Витторио Морфино

Профессор истории философии, отделение подготовки учителей гуманитарных дисциплин им. Рикардо Масса, Миланский университет Бикокка (UNIMIB). Адрес: 1 Piazza dell'Ateneo Nuovo, 20126 Milan, Italy. E-mail: vittorio.morfino@unimib.it.

Ключевые слова: мультитемпоральность; стадийная история; Карл Маркс; крестьянская община; теория революции; перманентная революция; сверхдетерминация; несовременность; непрерывность; контингентность.

Автор статьи разрабатывает концепцию множественной темпоральности как инструмент переосмысления марксистской традиции. Эта концепция эксплицитно не была сформулирована самим Марксом, однако, по убеждению автора, мы можем найти ее подспудное присутствие в тех работах Маркса, где линейная и стадийная модель исторического развития обнаруживает свою неадекватность. Автор демонстрирует следы этой концепции в «Критике гегелевской философии права», где Маркс рассуждает о современности немецкой философии и об анахроничности германского государства. Автор показывает возрастающее влияние этой концепции в серии работ, начиная с «Манифеста коммунистической партии» и заканчивая «Восемнадцатым брюмера Луи Бонапарта». Однако наиболее заметное ее присутствие он находит в двух поздних текстах Маркса, посвященных феномену русской сельской общины. Маркс отмечает беспрецедентный исторический характер последней: будучи продук-

том докапиталистических социальных отношений, она тем не менее современна капитализму и потому не столько тормозит его развитие в России, сколько содержит в себе тот тип коллективного труда и коллективной собственности, который представляет собой альтернативу ему. Будущая революция, по мысли Маркса, если она произойдет в «надлежащее время», должна обеспечить свободное развитие сельской общины и превосходство русского общества над теми странами, в которых господствует капитализм.

Автор анализирует работы тех последователей Маркса, которые уже осознанно используют в своих работах понятие и фигуры множественной темпоральности. Речь идет об Эрнесте Блохе, Антонио Грамши и Луи Альтюссере. В заключение подчеркивается, что смысл концепции множественной темпоральности состоит не в том, чтобы опровергнуть идею непрерывного хода истории, но, скорее, в том, чтобы осознать его сложный и контингентный характер.

В ПОПУЛЯРНОЙ книге о квантовой механике и теории относительности «Порядок времени» Карло Ровелли рассматривает эйнштейновское определение времени. Он резюмирует его следующим образом:

У каждой точки пространства свое время. Нет единого времени. «Времен» бесконечно много. Время, показанное какими-то определенными часами, относится к какому-то определенному явлению и называется в физике «собственным временем». Каждые часы предлагают свое собственное время. Всякое явление развивается в своем собственном времени, в своем собственном ритме¹.

В общей теории относительности Эйнштейна время не описывается, «как развивается мир с течением времени». Скорее, оно описывает «вещи, развивающиеся в локальных временах, и локальные времена, развивающиеся относительно друг друга». Проанализировав это, Ровелли заключает, что мир похож не «на взвод солдат, дружно шагающих по команде сержанта», а на «сеть, сотканную из событий, влияющих друг на друга»².

Не буду отрицать, что понятие множественной темпоральности, о котором я говорю, инспирировано подобным видением. Хотя, конечно, нельзя недооценивать сложность перехода от физики к истории.

Поэтому давайте сделаем шаг назад и рассмотрим две главные модели, с помощью которых западная традиция концептуализировала время: круг и линию. Предельно обобщая, можно сказать, что первая модель восходит к грекам, а вторая открыта христианством. Христос — это точка, которая устанавливает двойное направление исторического времени, где прошлое — это прообраз, а будущее — Страшный суд. Карл Лёвит справедливо настаивал на том, что истоки философии истории XVIII и XIX веков заключены в модели, предложенной Иоахимом Флорским в «Книге со-

Перевод с английского Александры Запольской.

1. Ровелли К. Срок времени / Пер. с ит. Д. Баюка. М.: Corpus, 2020. С. 12.
2. Там же.

гласования Ветхого и Нового Заветов»³, где к восходящей временной линии добавляется четкое разделение на эпохи, которое потом было перенесено из Просвещения в позитивизм и из гегельянства в марксизм в форме фаз, степеней или стадий развития. В этом контексте эпохи это большие области современности.

Интересно, что обе модели — круг и линию — можно сконструировать, лишь исключив гипотезу о множественности времен. Можно было бы привести много примеров того, какой эффект это возымело в истории идей. Я ограничусь здесь двумя философскими рассуждениями, которые представляются хрестоматийными: аристотелевским и кантовским.

Аристотель приступил к работе над проблемой времени, рассмотрев успехи и ограничения предыдущих теорий:

...одни говорят, что время есть движение Вселенной, другие — что это сама [небесная] сфера. <...> Далее, если бы небес было много (*οὐρανοί*), то таким же образом время было бы движением любого из них, следовательно, было бы много времен в одно и то же время (*πολλοὶ χρόνοι ἅμα*)⁴.

Здесь Аристотель уже сказал достаточно, чтобы можно было предугадать, к каким выводам он придет. Если время — это число движений, в соответствии с «до» и «после», то оно — не каждое движение, а движение всей сферы. Как верно замечает Вольфганг Виланд, исключение множественности времен — следствие космологической сверхдетерминации физического времени. Таким образом явно исключается проблема атомизма.

Теперь можно обратиться к Канту и, в частности, к его «Трансцендентальной эстетике», где он излагает принципы априорного знания для двух форм чувственных созерцаний: пространства и времени.

В «Метафизическом истолковании понятия времени», например, где четко представлено, что свойственно этому понятию как данному априори, мы находим ряд аподиктических истин, взятых из его априорной необходимости, то есть аксиоматику времени в целом:

1) у времени есть лишь одно измерение: «различные времена существуют не вместе, а последовательно»⁵;

3. Löwith K. Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History. Chicago: The University of Chicago Press, 1949.

4. Аристотель. Физика / Пер. с др.-греч. В. П. Карпова. Харьков: ЭКСМО-Пресс, 1999.

5. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Академический проект, 2015. С. 55.

2) разные времена являются частью одного-единственного времени;

3) каждая установленная величина времени возможна только как ограничение «единственного времени, дающего ей основание»⁶.

Именно на этой основе Кант предлагает линию в качестве метафоры для темпоральной последовательности, из которой можно вывести все свойства времени с той лишь поправкой, что части линии существуют одновременно, а части времени — последовательно. Единство времени гарантируется здесь трансцендентальным основанием, а множественная темпоральность исключена. Именно на этом основываются гегельянская и марксистская теории исторического времени, характеризующиеся (за вычетом некоторых различий) единственностью, линейностью и стадиальностью.

Здесь можно было бы сослаться на множество текстов, но достаточно процитировать самые известные: «Манифест коммунистической партии» и «К критике политической экономии»⁷. В «Манифесте» Маркс и Энгельс описывают линейный восходящий путь истории, ведущий от феодализма к коммунизму. В его основании — время роста производительных сил. В работе «К критике политической экономии» та же модель противоречия между производительными силами и производственными отношениями лежит в основе концепции истории как последовательности способов производства: азиатского, рабовладельческого, феодального и капиталистического.

Ключевой момент этой модели исторической темпоральности — понятие революции. Классовая борьба составляет основу истории, а революция представлена в «Манифесте» как конфликт между «развитием... средств производства и обмена» и «развившимися производительными силами»⁸, а в работе «К критике политической экономии» — как «противоречие»⁹. Подобно тому как капиталистическое общество возникает внутри феодального общества, коммунистическое общество рождается внутри капиталистического общества: в связи с этим Маркс в 24-й главе «Капи-

6. Там же.

7. В авторском тексте используется название «Предисловие 1859 года», которое в переводе заменено на принятое в русскоязычной традиции «К критике политической экономии». — *Прим. пер.*

8. *Маркс К.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 429.

9. *Он же.* Предисловие. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 5–9.

тала» скажет, что «насилие является повивальной бабкой истории»¹⁰, поскольку оно не создает, но помогает родиться новому обществу, уже присутствующему внутри старого.

Если мы хотим найти текст в марксистской традиции, который воплощал бы в себе эти качества наиболее радикально и полно, доводя их до предела, безусловно, следует вспомнить «Диалектический и исторический материализм» Сталина. В нем он, безоговорочно уравнивая способ производства с обществом, а производительные силы — с отношениями производства¹¹, перечисляет «пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический»¹². Переход от одного общества к другому обусловлен временным несоответствием между производительными силами и производственными отношениями. Однако, как подчеркивает Сталин, «возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя»¹³. Следуя этому утверждению, Сталин с помощью драмы соответствия/несоответствия производительных сил и производственных отношений кратко излагает историю человечества от первобытного сообщества до социализма¹⁴.

Какую же операцию я произвожу, поднимая вопрос о концепции множественной темпоральности в марксистской мысли? Какие черты марксистской темпоральности я намерен обсудить и какие точки напряжения хотел бы выделить? В первую очередь необходимо сказать, что сам термин «множественная темпоральность» нельзя найти в явном виде в марксистской традиции. Но можно утверждать, что концепция, вернее идея, на которую он указывает, обозначается серией терминов из следующего неполного списка: не-современность (*Ungleichzeitigkeit*), мультиверсум, стратификация, дифференциальная темпоральность (*temporalité différentielle*).

10. Вольное цитирование. В оригинале у Маркса: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» (*Он же*. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 761). — *Прим. ред.*

11. «Каков способ производства у общества, таково в основном и само общество» (*Сталин И.* О диалектическом и историческом материализме // Соч. М.: Писатель, 1997. Т. 14. С. 253–282); «Каковы производительные силы, таковыми должны быть и производственные отношения» (Там же).

12. Там же. С. 274.

13. Там же. С. 279.

14. Там же.

Гипотеза, которую я хотел бы выдвинуть, состоит в следующем: эти термины появляются как признаки неадекватности линейной и стадияльной модели исторического развития. Здесь я ограничусь некоторыми примерами из марксистской традиции и попытаюсь показать, как и в какой мере эти термины указывают на множественную темпоральность.

Можно проследить возникновение темы множественной темпоральности в мысли Маркса, начиная с введения «К критике Философии права», «Классовой борьбы во Франции» и «Восемнадцатого брюмера», далее рассмотреть 24-ю главу первого тома «Капитала», потом гетерогенные времена первоначального накопления и переплетение времен (производства, обращения и товарооборота), которому подчиняется воспроизводство во втором томе, и, наконец, обратиться к текстам о крестьянской общине в России, «Этнологическим тетрадам» и «Заметкам о Ковалевском»¹⁵.

Рассмотреть все множество этих работ невозможно как по временным соображениям, так и в связи с текущим состоянием моего исследования. Поэтому я разберу в качестве примеров тексты, взятые из разных периодов жизни Маркса: введение «К критике гегелевской философии права» 1843 года, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» 1852 года и письма о русской крестьянской общине 1881 года. Везде нам будет интересно проанализировать тему множественной темпоральности в различных ее формах, указывающих на пределы дискурса Маркса.

Основным текстом в этом смысле, без сомнения, является введение «К критике гегелевской философии права». Это ранний текст Маркса, одна из его работ о переходе к коммунизму. Объясняя, почему его критика направлена не на немецкие реалии (Прусское государство), а на гегелевские «Элементы философии права», Маркс выдвигает аргумент, что философия — единственная область, в которой немцы современны (*Zeitgenossen*) настоящему времени (*Gegenwart*). Немецкие реалии, реалии немецкого го-

15. Морфино имеет в виду тексты Маркса, изданные на английском языке в виде отдельной книги: *Marx K., Krader L. The Ethnological Notebooks*. 2nd ed. Assen: Van Gorcum & Co., 1974. В нее вошли небольшие тексты, опубликованные в сорок пятом томе его собрания сочинений на русском языке, такие как «Конспект книги Льюиса Моргана „Древнее общество“», «Конспект книги Генри Самнера Мейна „Лекции по древней истории институтов“» и др. Под «Заметками о Ковалевском» имеется в виду изданный по-русски «Конспект книги М. Ковалевского „Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения“. Часть первая». См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1975. Т. 45. С. 153–226. — *Прим. пер.*

сударства не современны, а анахроничны. Здесь интересно заметить, что анахронизм как фигура речи, ошибка отнесения к истории, ошибка в хронологии¹⁶ становится у Маркса онтологической реальностью. Немецкое общество — анахронизм, его существование — симптом смещения исторических времен.

Относительно какого времени немецкие реалии являются анахронизмом? Маркс утверждает: «Эти [немецкие] порядки находятся ниже уровня истории...»¹⁷ Ниже уровня какой истории? История, относительно которой измеряется уровень немецкой истории и фиксируется анахронизм, — это история Франции и Англии. То есть существует некий ход истории, по отношению к которому Германия представляет собой анахронизм. И все же немецкое общество не пронизано единственным временем, которое Маркс определяет как прошлое народов модерна. В одном аспекте оно современно народам модерна: в вопросе философии. Немецкая философия государства и права современна современной истории. Какую темпоральную позицию в этом случае занимает критика Маркса? Революция, которую поднимет эта критика вместе с немецким пролетариатом, поставит Германию не просто на один уровень с Францией и Англией, а даже выше: по утверждению Маркса, она будет представлять ближайшее будущее современных обществ.

Аргумент Маркса европоцентричен — даже банально это отметить. Маркс наблюдает смещение времен лишь в небольшой части мира — в Северной Европе; более того, он видит его относительно серии фаз исторического развития, последовательность которых представляется ему неотвратимой. Однако важно, что здесь содержится первая попытка поставить под вопрос идею единственного времени и темпоральной гомогенности как исторической эпохи, так и одного общества.

Теперь мы можем перейти ко второму примеру: в «Восемнадцатом брюмера» эволюционная и стадиальная линия «Манифеста» едва выдерживает сложный анализ переплетающихся времен во французском обществе.

Хорошо известны пассажи «Манифеста», в которых идет речь о революционной роли буржуазии — «чрезвычайно революционной роли» (*höchst revolutionäre Rolle*)¹⁸: где бы она ни приходила

16. См.: Рансьер Ж. Понятие анахронизма и истина историка / Пер. с фр. В. Земсковой // Социология власти. 2016. № 2. С. 203–223. Я хотел бы благодарить Элиа Зару за то, что он обратил на это мое внимание.

17. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 416.

18. *Он же*. Манифест коммунистической партии. С. 426.

к власти, буржуазия сметала «феодалные отношения»¹⁹, и, более того, она не может существовать, «не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений»²⁰. Для буржуазной эпохи характерны как непрекращающееся движение в форме постоянного революционирования всех условий жизни, так и постоянная экспансия по всему миру, проникновение новых реалий через вовлечение «в цивилизацию всех, даже самых варварских, наций»²¹. Это проникновение разрывает старые цепи, но также и производит новые:

Так же как деревню она [буржуазия] сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада²².

Как хорошо известно, это ведет к тому, что крупная промышленность производит в сердце буржуазного общества не только «оружие, несущее [ему] смерть»²³, но также и «людей, которые направят против [него] это оружие, — современных рабочих, пролетариев»²⁴.

Другими словами, «Манифест» действительно описывает большое, глобальное движение — если коротко, мировую историю (*Weltgeschichte*), — которое, развиваясь поэтапно, ведет к финальной борьбе двух больших классов, буржуазии и пролетариата, где политика, идеология и религия, по-видимому, являются не более чем обломками, увлекаемыми силой течения. В «Классовой борьбе во Франции» (даже притом, что это общее движение остается на заднем плане) мы видим, как на сцене появляются уже фракции классов, партии, печатные органы, национальная гвардия, армия — и все это в борьбе, разыгрываемой на нескольких уровнях в разных формах и с разной степенью интенсивности, отмеченной конститутивным смещением между воображением и реальностью. Наконец, в «Восемнадцатом брюмера» эта теоретическая рамка усложняется до того, что само отношение между печатными органами, политическими партиями и фракциями классов мыслится под знаком контингентности и конфликта.

19. Там же.

20. Там же. С. 427.

21. Там же. С. 428.

22. Там же.

23. Там же. С. 430.

24. Там же.

Однако следует подчеркнуть, что в «Манифесте» так же, как и в «Классовой борьбе» и «Восемнадцатом брюмера», временная линия подчиняется паре история — революция. Если в «Манифесте» прослеживаются стадии развития, которые привели буржуазное общество к порогу пролетарской революции, то в двух работах о французской истории Маркс постоянно подчеркивает связь между зрелостью революции, стадией развития определенного общества и позицией, которую оно занимает на глобальном рынке, а также указывает на неразрывный узел, в который завязаны экономический кризис и революция²⁵.

И все же есть кое-что еще в текстах Маркса: поражения рабочего движения прочитываются согласно типичной схеме философии истории, введенной Лейбницем. Речь идет о знаменитом стратегическом отступлении (*recouler pour mieux sauter*), которое Гегель превратил в парадигму мировой истории (*Weltgeschichte*) в виде работы негативного. Возможно, самая сильная из этих моделей представлена в «Воспитании рода человеческого» Лессинга.

И все же эта философия истории оказывается под вопросом ввиду серьезного обращения к множественной темпоральности. На сцене появляются фракции классов: финансовая аристократия, промышленная буржуазия, государственная бюрократия, армия, пролетариат, крестьяне, люмпены. Появляются также политические партии, чью прямую или косвенную связь с социальными классами трудно установить: республиканская партия, партия порядка (первая коалиция классов против Июньского восстания и следующая коалиция орлеанистов и легитимистов), партия анархистов-социалистов и коммунисты Июньского восстания, социал-демократическая партия (коалиция партии рабочих и партии мелких буржуа), бонапартистский кружок 10 декабря. И тут же — пресса, государство с его структурами и институтами, армия, национальная гвардия, организованная преступность. И самое главное, что можно заметить на контрасте с «Манифестом», на сцену заново выходит деревня с классом, который, выражаясь словами Маркса, представляет «варварство» внутри цивилизации, разрывая линейный и прогрессивный переход между ними.

25. «Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего» (*Он же. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 7. С. 100*).

Борьба, которая «в конечном итоге»²⁶ для Маркса есть борьба между буржуазией и пролетариатом, тем не менее постоянно анализируется в своих сложных и множественных формах — как переплетение интересов, объединяющее в альянс или, наоборот, противопоставляющее друг другу классы и фракции классов, фракции классов и политические партии, прессу и отдельных индивидов в соответствии со сложными и разнообразными стратегиями, где главенствуют иерархия и контингентность. Причем в этом нарративе Маркс не выкладывает на стол разные элементы в виде некой неразличимой множественности, а каждый раз преподносит их как структурные и иерархические связи, разнообразные и контингентные²⁷. Можно даже сказать, что в этих сочинениях практически содержится набросок теории конъюнктуры (отмеченной констелляцией терминов *Umständen, Verhältnisses, Bedingungen, Ereignis*²⁸), поскольку речь в них идет не о поверхностном и переменчивом моменте глубокой инвариантности, а о стратифицированной и структурированной сложности разных времен, о переплетении темпоральностей²⁹. Другими словами, время исторического процесса — это результат множественности времен, ритмов, сил.

Ткань Маркса, усложняясь, испытывает на себе последствия постоянного взаимного смещения воображения³⁰ (*Einbildung, Vorstellung*) и реальности, которое влияет на все борющиеся силы, на то, как они представляют себя, свою позицию, свои действия, своих соперников и собственные цели. Это смещение может вбирать в себя множество значений одной и той же реальности, как в период Февральской республики и для Луи Наполеона в 1848 году³¹. Или оно

26. Энгельс использует выражение *in letzter Instanz* в своем введении к работе «Классовая борьба во Франции» 1895 года. В английском переводе используется выражение *in the last resort*. См.: *Engels F. Introduction to Marx's Class Struggles In France // Marxists Internet Archive*. URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1850/class-struggles-france/intro.htm>.

27. См. об этом: *Balibar E. La philosophie de Marx*. P.: La Découverte, 1993; *Basso L. Marx: quale libertà? // Quaderni materialisti*. 2009. № 7/8. P. 69–87; *Frosini F. Da Gramsci a Marx. Ideologia, verità e politica*. Rome: Derive Approdi, 2009.

28. «Обстоятельства», «отношения», «условия», «событие» (нем.). — *Прим. ред.*

29. Ирен Випарелли предлагает прочитывать журналистские статьи Маркса периода европейских революций как попытку восполнить нехватку теории революции, разработанной на пересечении линейной темпоральности исторического развития и циклической динамики капиталистических кризисов. См.: *Viparelli I. Crisis and the Revolutionary Moment: Marx and 1848 // Actuel Marx*. 2009. № 2. P. 122–136.

30. См. об этом: *Assoun P.-L. Marx et la répétition historique*. P.: PUF, 1978.

31. Даниэль Бенсаид использует выражение «пустое или парящее означающее» по отношению к Луи Наполеону, явно опираясь на политическое

может распадаться на тысячу несовместимых значений, как это случается с партией порядка в 1851 году. В его власти породить отрыв от реальности, как это происходит с «парламентским кретинизмом», или способствовать росту иллюзий Люксембурга³² у рабочего класса, вызывать грезу о народном «братстве» в республиканской фракции. Также в результате этого смещения кто-то может вообразить, будто поднялся над классовой борьбой, подобно монтаньярам в 1849 году. Наконец, оно может даже оживить Наполеона и империю с помощью «крестьянской религии». Если это коллективное воображаемое, то это фрагментированное и стратифицированное воображаемое (рискуя быть анахроничным, его можно было бы даже назвать транс-индивидуальным), в котором встречаются глубокие темпоральности, принадлежащие традициям, и вспышки фантазии, принадлежащие мгновениям. В нем живут грезы, кошмары, призраки, тени, туманы, талисманы, привороты, фантазмагии, иллюзии, непонимания и обманы. Оно окружает и пронизывает силы, вступившие в игру, сражения и напряжения между классами. Его последствия реальны: оно меняет расклад сил.

Границы множественной темпоральности

Обратимся теперь к двум знаменитым текстам позднего Маркса о русской крестьянской общине, которые также имеют принципиальное значение для интерпретации главы «Капитала», посвященной первоначальному накоплению.

Первый текст — это письмо в редакцию журнала «Отечественные записки», в котором Маркс рассматривает вопрос о неизбежных стадиях исторического развития, начиная со стадий, описанных в 24-й главе «Капитала». Основной вопрос состоит в том, должна ли Россия «начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю»³³. Этот вопрос подразумевает не-современность российского общества по отношению к ев-

употребление этого термина Эрнесто Лакло (*Bensaïd D. Politiques de Marx // Marx K., Engels F. Inventer l'inconnu, textes et correspondance autour de la commune. P.: La Fabrique Editions, 2008*).

32. Речь идет о комиссии, организованной временным правительством «с поручением изыскать средства к улучшению положения рабочих классов». Комиссия состояла из делегатов парижских ремесленных корпораций и заседала в Люксембургском дворце. См.: *Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. — Прим. пер.*
33. *Он же. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 119.*

ропейскому обществу: Россия в определенном смысле представляет собой прошлое Европы. С этим допущением вопрос фокусируется на неизбежности стадий, через которые должно пройти это прошлое. Вот что отвечает Маркс:

Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 года, то она упустит наилучший случай, который история когда-либо представляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя³⁴.

Итальянский переводчик Маффи переводит «случай» как *occasione*: так можно услышать макиавеллиевское эхо в утверждении Маркса. Используя терминологию Макиавелли, Маркс полемизирует с идеей стадияльной истории: так он отвергает идею единого времени, сквозь которое якобы шествуют все народы, по-разному задерживаясь в пути. В 24-й главе «Капитала» представлен набросок генезиса капитализма в Европе, а вовсе не «историко-философская теория»³⁵ общего хода, которому безоговорочно должны были бы следовать все народы. Он добавляет, что люди живут не в историко-философской теории, а в «[тех или иных] исторических обстоятельствах»³⁶.

Термин «обстоятельство» (тем более во множественном числе) связывает пространство и время, историю и географию и позволяет деконструировать идею общего хода. Рассуждая таким образом, Маркс, ссылаясь на известный пример Древнего Рима и экспроприацию крестьянских земель, приведшую не к капиталистическому, а к рабовладельческому способу производства, предлагает новую ключевую понятийную пару — историческую обстановку и событие:

Таким образом, события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам³⁷.

Отношение между обстановкой и событием используется, чтобы отвергнуть философию истории, «наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности». Это отношение указывает

34. Там же.

35. Там же. С. 120. Перевод изменен.

36. Там же.

37. Там же. С. 121.

не просто на возможность бифуркаций, но и на стратификацию исторического времени.

На протяжении всего письма Маркс не говорит об общине прямо. Он критикует Михайловского, который полагал, что выявил в критике, направленной против Герцена в предисловии к первому изданию «Капитала»³⁸, доказательство того, что сельская община не может быть базой для проектирования и внедрения курса развития, отличного от западноевропейского. В письме Маркса Вере Засулич, датированном мартом 1881 года, община оказывается в центре аргументации. Как хорошо известно, отправным пунктом этого короткого письма (чья история интересна сама по себе³⁹) стал тезис, представленный еще в письме в редакцию «Отечественных записок»: экспроприацию земледельцев не стоит мыслить как исторически неизбежную. Цитируя отрывок со страницы 315 французского издания «Капитала», Маркс объясняет:

Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса точно ограничена странами Западной Европы⁴⁰.

Причина этого ограничения кроется в том, что в «совершающемся на Западе процессе речь идет, таким образом, о превращении *одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*», в то время как для крестьян в России «пришлось бы, наоборот, превратить их *общую собственность в частную собственность*»⁴¹.

Отсюда Маркс приходит к следующим выводам:

Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрожде-

38. *Он же*. Капитал. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 5–11.

39. См. об этом: *Cinnella E.* La lettera occultata // *Cinnella E.* L'altro Marx. Pisa: Della Porta Editori, 2014. P. 137.

40. *Маркс К.* Письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 250. В оригинале письма Маркса, написанного на французском языке, используется выражение «историческая фатальность», взятое в кавычки: “*La fatalité historique de ce mouvement est donc expressement restreinte aux pays de l'Europe occidentale*” (Из архива П. Б. Аксельрода. Русский революционный архив // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/z/zasulich_w_i/text_1881_pismo_marksa.shtml). — *Прим. пер.*

41. *Маркс К.* Письмо В. И. Засулич. С. 251.

ния России, однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития⁴².

Ответ Маркса Вере Засулич от февраля 1881 года предельно ясен: если использовать собственные слова Засулич, «развитие крестьянской общины в социалистическом смысле» — это вопрос политической работы.

В четырех набросках к этому письму можно найти серию интересных предложений, с помощью которых Маркс формулирует свой аргумент более развернуто.

По вопросу «неизбежного роспуска» крестьянской общины в России Маркс предвосхищает возможные возражения. В первом наброске он пишет:

Обращаясь к далекому прошлому, мы встречаем в Западной Европе повсюду общинную собственность более или менее архаического типа; вместе с прогрессом общества она повсюду исчезла. Почему же избегнет она этой участи в одной только России?⁴³

Во втором наброске мы находим достаточно важное уточнение:

Прежде всего в Западной Европе смерть общинного землевладения и рождение капиталистического производства отделены друг от друга громадным промежутком времени, охватывающим целый ряд последовательных экономических революций и эволюций, из которых капиталистическое производство является лишь наиболее близкой к нам⁴⁴.

42. Там же.

43. *Он же*. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Первый набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 401.

44. *Он же*. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Второй набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 412.

Морфино далее цитирует пояснение, которое есть во французском оригинале второго наброска письма Маркса, но не вошло в текст русского перевода: «то есть смерть общинной собственности не породила капиталистическое производство». В своем письме на французском Маркс уточняет: «*la mort de la propriété communale n'y donnait pas naissance à la propriété capitaliste*» (Dangeville R. *Lettres de Marx à Véra Zassoulitch* // *L'Homme et la société*. 1967. № 5. P. 174). Это уточнение сохранилось в английском переводе: «*The death of communal property did not give birth to capitalist production*» (Marx-Zasulich Correspondence February/March 1881. The 'Second' Draft // Marxists Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1881/zasulich/draft-2.htm>). — *Прим. пер.*

Таким образом, Маркс отвергает идею эволюции общинной собственности в капиталистическую. Дело обстоит сложнее. В третьем наброске Маркс возвращается к этому моменту:

Не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу. Наоборот, они представляют собой ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции. Один из типов, который принято называть *земледельческой общиной*, и являет собой русская община. Ее эквивалент на Западе — германская община, возникновение которой относится к весьма недавнему времени. Она еще не существовала в эпоху Юлия Цезаря и уже не существовала, когда германские племена покоряли Италию, Галлию, Испанию и т. д. В эпоху Юлия Цезаря уже производился ежегодный передел пахотной земли между группами, между *родами* и кровнородственными объединениями, но еще не между индивидуальными семьями общины; вероятно, и обработка велась группами, сообща. На самой германской почве эта община более древнего типа преобразовалась путем спонтанного развития в *земледельческую общину* в том виде, в каком она описана Тацитом. С того времени мы ее теряем из виду. Она погибла незаметно в обстановке непрерывных войн и переселений; возможно, она умерла насильственной смертью. Но ее природная жизнеспособность доказана двумя неоспоримыми фактами. Некоторые разрозненные экземпляры этого образца пережили все перипетии средних веков и сохранились до наших дней, например на моей родине, в Трирском округе. Но самое важное то, что печать этой «земледельческой общины» так ясно выражена в новой общине, из нее вышедшей, что Маурер, изучив последнюю, мог восстановить и первую. Новая община, в которой пахотная земля является *частной собственностью* земледельцев, в то время как леса, пастбища, пустоши и пр. остаются еще *общей собственностью*, была введена германцами во всех покоренных странах. Благодаря характерным особенностям, позаимствованным у ее прототипа, она на протяжении всего средневековья была единственным очагом свободы и народной жизни. «Сельская община» встречается также в Азии, у афганцев и др., но она повсюду представляет собой *самый новый тип* общины и, так сказать, последнее слово архаической общественной формации⁴⁵.

45. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич. Третий набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 417–418. Интересно сравнить этот фрагмент с первым наброском, где Маркс говорит о Средневековье как о второй общественной формации.

В этих набросках Маркса особенно отчетливо видна сложная концепция темпоральности: внутри того, что Маркс называет «архаической общественной формацией» или, используя геологическую терминологию, «первичной формацией», можно вычленить последовательные фазы развития, однако они никоим образом не представляют собой исторические фазы или эпохи, пропитанные некоей фундаментальной современностью. Напротив, определяющая стадия первичной или архаичной формации, сельской общины, существовала и существует в разных временах и местах; ее существование и трансформация мыслятся на пересечении двух сил: внутренне присущей ей жизнестойкости и силы внешних причин (войн, миграций), которые могут ее разрушить.

Но какие отличительные черты сельской общины представляются, по словам Маркса, «последнее слово архаической общественной формации»? В третьем наброске к обсуждаемому письму есть очень точное определение:

Теперь нам нужно рассмотреть наиболее характерные черты, отличающие «земледельческую общину» от общин более древних.

1. Все другие общины покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Их структура есть структура генеалогического древа. «Земледельческая община» была первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узлами.
2. В земледельческой общине дом и его придаток — двор были частным владением земледельца. Общий дом и коллективное жилище были, наоборот, экономической основой более древних общин, задолго до становления пастушеской и земледельческой жизни. Конечно, встречаются земледельческие общины, в которых дома, хотя и перестали служить коллективным жилищем, периодически меняют владельцев. Индивидуальное пользование сочетается, таким образом, с общей собственностью. Но такие общины носят еще печать своего происхождения: они находятся в состоянии переходном от общины более архаической к земледельческой общине в собственном смысле.
3. Пахотная земля, неотчуждаемая и общая собственность, периодически переделяется между членами земледельческой общины, так что каждый собственными силами обрабатывает отведенные ему поля и урожай присваивает единолично. В общинах более древних работа производится сообща, и общий продукт, за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределяется постепенно, соразмерно надобности потребления⁴⁶.

46. Там же. С. 418.

Если сравнить земельную общину с архаичными формами, то можно увидеть, что ее пронизывает внутренний «дуализм». С одной стороны, «она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих», а с другой — «дом и двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, несовместимому с организмом более древних общин»⁴⁷.

Этот дуализм, который в каком-то смысле является для Маркса ключом к пониманию «большой жизненной силы» общины, может в конечном счете стать «зародышем разложения»:

Частная земельная собственность уже проникла в нее в виде дома с его сельским двором, который может превратиться в крепость, откуда подготавливается наступление на общую землю. Это уже бывало. Но самое существенное, это — парцеллярный труд как источник частного присвоения. Он дает почву для накопления движимого имущества, например скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных. Эта движимая собственность, не поддающаяся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют такую большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на всю сельскую экономику. Вот элемент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство⁴⁸.

В этом смысле дуализм, который представляет жизненную силу сельской общины, является также и элементом, работающим на ее разложение и открывающим путь к тому, что Маркс называет вторичной общественной формацией, которая «охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»⁴⁹:

Земельная община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, то есть переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности⁵⁰.

47. Там же. С. 418–419.

48. Там же. С. 419.

49. Там же.

50. Там же.

Однако, тут же уточняет Маркс, это не означает, что «исторический путь земледельческой общины должен неизбежно привести к этому исходу». То, что Маркс называет «внутренним дуализмом», указывает на альтернативу: преобладать может либо частный, либо коллективный элемент. Здесь Маркс вводит два важных понятия: историческая обстановка и обстоятельства. Маркс задается вопросом: происходит ли развитие земледельческой общины «во всех обстоятельствах»?⁵¹ Другими словами, *априори* возможно преобладание любого из двух элементов: это зависит от различных «исторических контекстов»⁵².

Теперь обратимся к тому, что особенно интересно в анализе Маркса, а именно к амбивалентности самой исторической обстановки. Вначале мы видим те ее аспекты, которые отрицательно сказываются на общине:

- 1) изолированность, «отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм, который не повсюду встречается как имманентная характерная черта этого типа, но который повсюду, где он встречается, воздвиг над общинами более или менее централизованный деспотизм»⁵³;
- 2) «тяжкое бремя, которое тянет ее вниз», и «заговор могущественных сил и интересов» (первый набросок):

Обессиленная его фискальными вымогательствами, оказавшаяся беспомощной, она стала объектом эксплуатации со стороны торговца, помещика, ростовщика. Это угнетение извне обострило уже происходившую внутри общины борьбу интересов и ускорило развитие в ней элементов разложения⁵⁴.

Резюмируем анализ аспектов, благоприятных для общины:

- 1) община поддерживается в России на государственном уровне (первый набросок);

51. *Он же*. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Первый набросок.

52. Морфино цитирует пояснение, которое есть во французском оригинале первого наброска письма Маркса, но не вошло в текст русского перевода: «...и в каждом историческом контексте». В своем письме на французском Маркс уточняет в скобках: “...*et dans tous les milieux historiques*” (*Dangeville R. Op. cit. P. 164*). Это уточнение сохранилось в английском переводе: “...*in every historical context*” (*Marx-Zasulich Correspondence February/March 1881. The ‘First’ Draft // Marxists Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1881/zasulich/draft-1.htm>*). — *Прим. пер.*

53. *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Первый набросок. С. 405.

54. Там же. С. 408–409.

2) она не является добычей иностранных завоевателей, как это было в Индии (первый набросок), где основой «подавления общинного землевладения стало не что иное, как акт английского вандализма»⁵⁵;

3) она не изолирована от современного мира (то есть от мира модерна).

В связи с третьим пунктом Маркс неоднократно подчеркивает, что земледельческая община «современна капиталистическому производству». В первом наброске он пишет:

... благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, еще существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии⁵⁶.

В России община современна капиталистическому производству, и это дает Марксу возможность сделать два замечания, в центре которых находится вопрос о темпоральности. Во-первых, он отмечает длинный временной промежуток, который отделяет смерть общинной собственности и рождение капиталистического производства в Западной Европе. Во-вторых, Маркс указывает на мгновенность (*clin d'oeil*), с которой машинное производство (и механизмы обмена, а именно банки и кредит) пришло в Россию, по сравнению с «длинными инкубационными периодами», которые потребовались Западу. Поэтому Маркс говорит в первом наброске:

Положение ее совершенно особое, не имеющее прецедентов в истории. Во всей Европе она одна только является органической, господствующей формой сельской жизни огромной империи. Общая собственность на землю предоставляет ей естественную базу коллективного присвоения, а ее историческая среда — существование одновременно с ней капиталистического производства — обеспечивает ей в готовом виде материальные условия для кооперативного труда, организованного в широком масштабе. <...> С помощью машин, для которых так благоприятна физическая конфигурация русской почвы, она сможет по-

55. *Он же*. наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Третий набросок. С. 417.

56. *Он же*. наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Первый набросок. С. 401.

степенно заменить парцеллярную обработку комбинированной обработкой. <...> Помимо того, привычка русского крестьянина к артельным отношениям облегчила бы ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству коллективному, которое он в известной мере ведет уже на не подвергающихся разделу лугах, при осушительных работах и других предприятиях, представляющих общий интерес⁵⁷.

Таким образом, «историческая ситуация», в которой находится русская община (то есть то «сочетание уникальных обстоятельств», которое ее характеризует), предполагает, что ей не обязательно суждено распасться, потому что она современна капиталистическому производству и, даже более того, потому что:

...она пережила уже период, когда капиталистический строй оставался еще незатронутым; теперь, наоборот, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах он находится в борьбе и с трудящимися массами, и с наукой, и с самими производительными силами, которые он порождает...⁵⁸

На этих страницах Маркс отказывается от линейной, стадияльной и прогрессивной модели исторического времени; точнее говоря, сохраняя некоторые характеристики этой концепции времени, он усложняет их, обращаясь, с одной стороны, к географической метафоре формаций, а с другой — к дарвиновской идее окружающей среды⁵⁹. Разумеется, возможно, что его ссылка на Моргана и та идея, что кризис капиталистического общества породит в обществах модерна возврат к архаическому типу коллективной собственности, указывают на спиралевидную модель темпоральности, гегелевскую философию истории, в которой возвращение к истокам есть в то же время обогащение самого истока. Но если мы будем развивать эту мысль (безусловно, присутствующую в письмах Маркса), то потеряем из виду другую тенденцию, которая, на мой взгляд, больше соответствует материализму, — анализировать задействованные силы, их комплексное переплетение и взаимодействие. Этот анализ маркирован серией терминов: обстоятельства (*circonstance*), сочетание

57. Там же.

58. Там же. С. 406.

59. Ранее в этом тексте *environment* переводилось как «обстановка», а не как «среда», в согласии с традиционным переводом термина Маркса. — Прим. пер.

(*combination*), ситуация (*situation*), исторический контекст (*milieu historique*), сговор (*conspiration*), расклад (*concoures*).

Благодаря серии концептуальных инструментов Маркс противопоставил друг другу различные элементы философии истории в своей работе о России. Так он оставил нам методологическое предостережение: не стоит мыслить неевропейский мир как простую предысторию Европы или как нечто, что «еще не»⁶⁰. Более того, методологическое предупреждение Маркса позволяет вернуться к собственно европейскому миру, к тому, чтобы провинциализировать его, говоря знаменитыми словами Чакрабарти. То есть оно позволяет нам помыслить первичное накопление не как историко-философскую (*geschichte-philosophisch*) схему, а как переплетение дифференциальных темпоральностей и случайностей, которые порождают определенную необходимость, а не универсальную судьбу⁶¹. И самое главное, это методологическое предостережение позволяет открыть через теоретический анализ пространство политической интервенции, закрытое схематичным применением мысли Маркса в качестве философии истории. Маркс пишет в первом наброске:

Речь идет здесь, таким образом, уже не о проблеме, которую нужно разрешить, а просто-напросто о враге, которого нужно сокрушить. Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. <...> Если революция произойдет в надлежащее время, если интеллигенция России сосредоточит все живые силы страны, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского обще-

60. Хосе Арико считает эти письма ключевыми для переводов Маркса в Латинской Америке. См.: *Aricó J. M. Marx and Latin America*. Leiden; Boston: Brill, 2013.

61. В этом смысле интересны размышления Маркса о разных модальностях экспроприации: «Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгонять их с их земель, как это было в Англии и в других странах; точно так же нет необходимости уничтожить общую ответственность посредством указа. Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям! В последние годы Римской империи провинциальные декурионы — не крестьяне, а земельные собственники — бросали свои дома, покидали свои земли, даже продавали себя в рабство, только бы избавиться от собственности, которая стала лишь официальным предлогом для беспощадного и безжалостного вымогательства» (*Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Первый набросок. С. 408*).

ства и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя⁶².

Время возможности, *kairos*, продолжает отсылать здесь к понятию счастливого случая, предложенному Макиавелли, к вмешательству добродетели в поле фортуны, где фортуна не есть что-то трансцендентное, но представляет собой материальное переплетение времен, антагонизм, конфликт сил, который дает добродетели шанс.

Теперь можно оставить Маркса и обратиться к марксистской традиции. Первым автором, которого я призыву засвидетельствовать существование подпольной традиции множественной темпоральности, выступит Эрнст Блох, развивший эту тему в двух ключевых текстах: «Наследие нашего времени» и «Различения в понятии прогресса». Первый состоит из серии эссе, написанных между 1924 и 1934 годами и опубликованных одним сборником в 1935 году. Это книга о приходе Гитлера к власти и о невозможности объяснить этот исторический феномен с помощью схемы противоречия труда и капитала.

Сердце книги — глава 1932 года «Не-одновременность и обязательность ее диалектики». Потрясает первое предложение, с которого начинается Блох: «Не все люди существуют в одном и том же Сейчас» (*Nicht alles sind in selben Jetzt da*)⁶³. Сосуществование и современность не предполагают друг друга, иначе говоря, существует множественность времен. Есть силы прошлого, которые действуют все время, пока Гитлер находится у власти. Есть время молодежи, лишенной будущего и надежды стать буржуа, время крестьян, время обедневшего среднего класса — и все они не-современны друг другу. Эти времена не просто субъективны и не просто переживают по-разному одну и ту же современность: они укоренены в объективной не-современности немецкого общества. Другими словами, немецкое общество не является одним гомогенным пространством, пропитанным единым временем, подобно некоему игровому полю, на котором разворачивается простое противоречие: Германия — это «классическая земля не-современности»⁶⁴. В Германии докапиталистические структуры сосуществуют с капиталистическим настоящим, и именно

62. Там же. С. 410.

63. *Bloch E. Non-contemporaneity and Obligation to its Dialectic // Heritage of Our Times / N. Plaice, S. Plaice (trans.).* L.: Polity Press, 1991. P. 97.

64. *Ibidem.*

объективное присутствие этих структур благоприятствует субъективному укоренению нацистского воображаемого:

Природа и тем более призрак истории особенно легко приходит к отчаявшемуся крестьянину и к обанкротившемуся мелкому буржуа в Германии⁶⁵.

Каково отношение между современностью и не-современностью, между современным и не-современным противоречием? Не-современное противоречие, согласно Блоху, стоит на пути разворачивания современного противоречия, движущей силой которого он видел пролетариат. Для того чтобы помыслить немецкое общество, необходимо, по Блоху, «расширить текущее Сейчас»⁶⁶. Следует усвоить диалектику со множеством уровней, мультипространственную и мультитемпоральную диалектику, которая способна унаследовать эти времена в коммунистической политической перспективе.

Другой текст Блоха, «Различения в понятии прогресса», является при совершенно иных обстоятельствах: после войны, в 1955 году, на конференции, которую проводила Академия наук ГДР. Полемическая цель блоховской интервенции — европоцентричная философия истории как идеология колониализма, но его текст также подрывает и ортодоксальный марксизм — исторический материализм с идеей стадийного и линейного прогресса.

Атаку Блоха на исторический материализм нелегко артикулировать. Попробую резюмировать ее в следующих пунктах:

- 1) критика отождествления последовательного движения с прогрессом;
- 2) критика темпоральной гомогенности базиса и надстройки;
- 3) критика концепции прогрессивного порядка надстроечных фаз;
- 4) недостаточность деления истории на эпохи и стадии;
- 5) критика вектора «природа — история».

Чтобы помыслить прогресс, понятие которого Блох не отвергает, необходима концепция исторического времени, называемая *мультиверсум* (этот термин был придуман Новалисом). Еще раз подчеркну, что дело не в субъективном времени и не во множественности способов представления времени. *Мультиверсум* подразумевает эту множественность, но не ограничивается ею. *Мультиверсум* означает множественность времен на онтологическом

65. Ibid. P. 107.

66. Ibid. P. 113.

уровне, множественность, данную преимущественно в переплетении и во взаимодействии, не предполагающем непрерывность. Скорее, если это понятие и предусматривает непрерывность, то она анализируется как эффект самого этого переплетения.

Другой автор, к которому я хотел бы здесь обратиться, — Антонио Грамши. Привлекать его в качестве свидетеля мультитемпоральной традиции, разумеется, парадоксально, учитывая центральное значение для его мысли текста «К критике политической экономии», который можно определить как предельную форму философии истории, где экономический детерминизм оставляет место для концепции политики, понятой как (активная или пассивная) перманентная революция. Подобная философия истории определено запрещает отсылать к множественной темпоральности именно потому, что она построена на единственном времени, относительно которого другие времена могут восприниматься как отклонения по оси «норма — патология».

Тем не менее в противовес этой крайней форме можно дать шанс возникнуть «другому» Грамши. Главным текстом здесь будет одиннадцатая тетрадь второго тома под названием «Заметки для начала изучения философии и истории культуры». Здесь Грамши анализирует формы спонтанной философии, содержащиеся в языке, здравом смысле и религии. Эти формы принципиально «разрозненны и случайны». Этим трем видам спонтанной философии он противопоставляет критическую сознательную философию. Данное сопоставление, похоже, указывает на границы его мысли, которые я уже упоминал ранее: активность или пассивность по отношению к мировой истории, чей путь представляется заданным. И все же именно в этот момент возникает теоретический элемент, уничтожающий простую альтернативу, потому что гетерономия «механически навязывается внешней средой», но эта гетерономия вовсе не пропитана гомогенным настоящим — на самом деле она сделана из множества темпоральностей. Представление человека о мире оказывается произвольным и разломленным; когда он «принадлежит одновременно ко множеству людей-масс, его собственная индивидуальность причудливо пестра: в ней уживаются элементы, роднящие его с пещерным человеком, и принципы новейшей и передовой науки, пережитки всех ушедших в прошлое локальных исторических фаз и интуитивные зародыши будущей философии всемирно объединенного человечества»⁶⁷.

67. Грамши А. Тюремные тетради: В 3 ч. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. С. 26.

Нельзя отрицать, что этот фрагмент отсылает к единому прогрессивному времени мировой истории (*Weltgeschichte*), в котором определены не только фаза настоящего, но и то, что грядет, «объединенное человечество». Здесь особенно интересна множественность темпоральностей, которые пронизывают индивидов и социальные группы: одновременность множественности времен, одновременность, которая парадоксальным образом означает сосуществование, а не просто совместное нахождение. Эта множественная темпоральность, которая не присутствует ни на переднем плане, ни в центре текста Грамши, отмечена серией терминов: стратификация, анахронизм, ископаемые. Первый и главный пример здесь — язык:

Если верно, что язык каждого содержит элементы мировоззрения и культуры, должно быть так же верно, что по языку можно судить о большей или меньшей сложности мировоззрения говорящего. Кто говорит только на диалекте или понимает национальный язык в недостаточной степени, тот по необходимости связан с мироощущением более или менее узким и провинциальным, безнадежно отсталым, анахроническим по сравнению с великими течениями мысли, господствующими в мировой истории. Его интересы будут узкими, более или менее корпоративными и экономистскими, а отнюдь не всеобщими. Если не всегда имеется возможность изучать несколько иностранных языков, чтобы познакомиться с различными культурами, нужно по крайней мере хорошо изучить национальный язык. Одна великая культура может быть переведена на язык другой великой культуры; на великий национальный язык, исторически развитый и богатый, может быть переведена любая другая великая культура, иными словами, на национальном языке может быть выражена мировая культура. На диалекте же этого сделать нельзя⁶⁸.

Второй пример предоставляет философия:

Необходимо... объяснить, как получается, что во все времена существуют многие философские системы и течения, объяснить, как они рождаются, как они распространяются, почему при распространении они обнаруживают определенные линии разрыва, принимают определенную направленность и т. д.⁶⁹

Третьим примером выступает религия:

68. Там же. С. 27.

69. Там же. С. 29.

Всякая религия, в том числе и католическая... является, по существу, множеством отдельных и нередко противоречивых религий: существует католицизм крестьян, католицизм мелких буржуа и городских рабочих, католицизм женщин и католицизм интеллигенции, в свою очередь пестрый и разрозненный. Но на обыденное сознание влияют не только наиболее невежественные и стихийные формы всевозможных ныне существующих католицизмов, его формировали и вошли в него в качестве компонентов религии прошлого и предшествующие формы современного католицизма, народные еретические движения, научные суеверия, проистекающие из религии прошлого, и т. д.⁷⁰

В двадцать седьмой тетради мы находим интересные размышления о фольклоре, который Грамши предлагает изучать как «концепции мира и жизни», в значительной степени имплицитно свойственные определенной (во времени и пространстве) социальной страте. Эти концепции противостоят «официальным концепциям мира (или, в более широком смысле, образованной части общества), преуспевшим в ходе исторического развития»⁷¹. Он добавляет:

Эти концепции мира не только не систематичны и не разработаны — поскольку у народа (то есть угнетенных классов всякого до сих пор существовавшего общества) по определению не может быть разработанной, систематической, политически организованной и централизованной концепции... но и принципиально множественны — не только в том смысле, что они разнообразны и наслаиваются одна на другую, но также и в том смысле, что они стратифицированы от наименее грубых к наиболее грубым, если вообще не будет вернее говорить о неудобоваримом сплаве различных фрагментов всех концепций мира и жизни, которые когда-либо появлялись в истории, большая часть которых выжила только в фольклоре в виде изуродованных и искаженных следов⁷².

Эта множественная и стратифицированная темпоральность не сохраняется массами в виде последовательных уровней истории духа, суммированной в полном настоящем; скорее, она связана с двойной материальностью: материальностью следа и материальностью практики. Другими словами, эта множественная тем-

70. Там же. С. 150.

71. Gramsci A. Quaderni del carcere. Vol. III / Gerratana V. (ed.). Turin: Einaudi, 1975. P. 2311.

72. Ibid. P. 2311–2312.

поральность оставляет свои следы на телах через язык, фольклор, здравый смысл, религию и философию, порождая «странные», «внутренне противоречивые», «сплавленные» и «причудливые» концепции мира. Словом, след, вернее, «следы» в текстах Грамши обозначают множественную темпоральность: следы практик, которые производят практики.

У Грамши нельзя найти современность, которая пронизывала бы все уровни общества, и, более того, каждый уровень описывается как несовременный самому себе, поскольку подвергается структурному воздействию множественности времен, которые, так сказать, даны изначально, точнее, предшествуют любой линейности и стадиальности.

Естественно, эта грамшианская концепция тесно связана с переписыванием шестого из «Тезисов о Фейербахе» Маркса и с вопросом об отношениях базиса и надстройки применительно к экономике, политике и вооруженным силам. В частности, в тринадцатой тетради, очертив три уровня, или момента, политических сил, Грамши пишет:

В реальной истории эти моменты усложняют друг друга по горизонтали и вертикали, то есть посредством экономической деятельности (по горизонтали) и территориально (по вертикали), совмещаясь и расщепляясь различным образом, каждая из этих комбинаций может получить собственное экономическое и политическое выражение. При этом нам необходимо держать в голове, что эти внутренние отношения государств-наций переплетаются с международными отношениями, в свою очередь создавая оригинальные и исторически конкретные сочетания⁷³.

С методологической точки зрения вначале существует множественность: множественная темпоральность, которая, конечно, влияет на пространственные отношения. Однако она не является рассеянной — это не множественность, понятая в постмодернистском смысле. Напротив, это множественность, в которой доминирует «сочетание», а на его «локальную игру» влияет взаимосвязь международного и национального. Грамшианская история не располагает общественные формации на единственной прогрессивной линии времени, где, как утверждает Маркс в предисловии к первому изданию «Капитала», продвинутые общества

73. Ibid. P. 1585.

показывают другим обществам картину их будущего⁷⁴; напротив, она состоит из оригинальной множественной темпоральности, какой бы уровень мы ни наблюдали: индивидуальный, уровень социальных групп, нации или уровень международных отношений. Концепция темпоральности определенно связана с грамшианским вопросом о «молекулярном».

Но не множественность становится итоговым выводом Грамши, поскольку именно понятие гегемонии позволяет нам вернуть множественность если не в единство «Истории», то по крайней мере в процесс унификации, то есть в комплексную и конфликтную артикуляцию той или иной множественности, где главную роль играют аппараты гегемонии и интеллектуалы. Результат этих процессов унификации Грамши называет «историческим блоком». Единство и современность, таким образом, всегда даны как временный результат — относительный и контингентный, — как стабилизация соотношения сил, постоянно меняющегося, пронизанного другими темпоральностями и несущего в себе их следы. На мой взгляд, в этом и состоит смысл грамшианской интерпретации марксистского концепта перманентной революции.

В качестве третьего свидетельства я приведу тезисы Альтюссера и его понятие дифференциальной темпоральности (*temporalité différentielle*).

Марксизм, с которым полемизирует Альтюссер, не слишком отличается от того, во что метила работа Эрнста Блоха 1955 года. В этом смысле главным альтюссеровским текстом оказывается «Набросок к понятию исторического времени»⁷⁵. Здесь он раскрывает серию имплицитных предпосылок понятий сверхдетерминации и сверхдетерминированного противоречия на уровне эксплицитной теории времени.

Если гегелевское противоречие, простое противоречие, разворачивается внутри темпорально гомогенной общественной тотальности, то сверхдетерминированное противоречие разворачивается внутри сложного и структурированного целого в соответствии с иерархией противоречий. В работе «Читать „Капитал“»⁷⁶

74. По поводу того, как соотносятся Англия и Германия, Маркс пишет следующее: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» (*Маркс К. Капитал*. Т. 1. С. 9).

75. См.: *Althusser L. The Errors of Classical Economics: Outline of a Concept of Historical Time* // Althusser L., Balibar E. *Reading Capital* / L. Brewster (trans.). L.: Verso, 1970. P. 91–118.

76. *Ibidem*.

Альтюссер открыто критикует гегелевскую и гегелевско-марксистскую концепцию времени, которая основывается на гомогенной непрерывности времени и на идее современности. В частности, критика идеи современности принципиальна для построения теории темпоральности и для того, что Альтюссер называет сложным марксистским целым. Как и в случае с Блохом в другом теоретическом контексте, ключевой ход здесь состоит в расцеплении понятий сосуществования и современности. Каждый уровень марксистского социального целого имеет собственное время, которое нужно теоретически сконструировать, у него есть свои собственные ритмы, непрерывности, разрывы и прерывания. Однако каждое из этих времен не разворачивается в вакууме, а, скорее, связано с другими временами, вплетено в них. То есть специфичность каждого времени проявляется исключительно в виде разницы между ним и другими временами.

Вся сложность теоретического предприятия Альтюссера состоит в том, чтобы помыслить, с одной стороны, автономию этих времен, а с другой — их артикуляцию в целом; с одной стороны, их детерминированность в конечном итоге экономикой, а с другой — структурную сверхдетерминированность этого конечного момента, чей одинокий час никогда не пробьют часы истории⁷⁷.

* * *

В заключение я хочу объяснить, в чем ставка операции прочесывания марксистской традиции против шерсти, которую я попытался провести, чтобы наметить нечто, что можно было бы вслед за поздним Альтюссером назвать подводным течением множественной темпоральности. Дело в том, что к множественности времен каждый раз апеллируют ради критики линейной, стадиальной и прогрессивистской модели исторического развития. Каждый раз удар приходится на теорию революции, кото-

77. Здесь Морфино отсылает к известному фрагменту из работы Альтюссера «Противоречие и сверхдетерминация», где подчеркивается значимость слов Энгельса о том, что экономика не является единственной детерминантой истории, и вводится понятие «детерминированности в конечном счете»: «...мы никогда не сталкиваемся с ситуацией, в которой эти инстанции, то есть надстройки, сделав свое дело, почтительно отступают на задний план или исчезают, когда приходит для этого Время, как чистый феномен Ее Величества Экономики, чтобы позволить ей вступить на царский путь диалектики. Время „окончательных итогов“ не приходит ни в первый, ни в последний момент, часы истории никогда не пробьют времени „конечного счета“» (*Альтюссер Л. За Маркса / Пер. с фр. А. Де-нежкина. М.: Праксис, 2006. С. 162*). — *Прим. пер.*

рая, будучи неизбежным результатом базовых противоречий, прорывает время истории. Но во имя какой альтернативы ведется эта критика? Полагаю, ясно: если отвергается экономический детерминизм, то это делается не во имя некоей неопределенности, волюнтаризма или абстрактной теории принятия решений или свободы. Так же, как философия истории, разделившая темпоральную непрерывность на эпохи, была секуляризацией христианской модели, философия радикальной прерывности является христианской в том смысле, в каком апостол Павел говорил: «Бог приходит как тать в ночи». Для внезапного, неожиданного прерывания временной линии необходимо все же предположить наличие этой временной линии. Усилие, которое нужно предпринять, развивая традицию множественной темпоральности, состоит в том, чтобы помыслить саму непрерывность (основу стадияльной и прогрессивистской истории) в ее сложности и контингентности. Это значит помыслить непрерывность не как универсальную меру частного, но как одно частное среди других, где каждое время из специфического переплетения времен должно мыслиться внутри пространства эмансипаторного политического действия.

Библиография

- Althusser L. The Errors of Classical Economics: Outline of a Concept of Historical Time // Althusser L., Balibar E. Reading Capital. L.: Verso, 1970. P. 91–118.
- Aricó J. M. Marx and Latin America. Leiden; Boston: Brill, 2013.
- Assoun P.-L. Marx et la répétition historique. P.: PUF, 1978.
- Balibar E. La philosophie de Marx. P.: La Découverte, 1993.
- Basso L. Marx: quale libertà? // Quaderni materialisti. 2009. № 7/8. P. 69–87.
- Bensaïd D. Politiques de Marx // Marx K., Engels F. Inventer l'inconnu, textes et correspondance autour de la commune. P.: La Fabrique Editions, 2008.
- Bloch E. Non-Contemporaneity and Obligation to Its Dialectic // Idem. Heritage of Our Times. L.: Polity Press, 1991.
- Cinnella E. La lettera occultata // Idem. L'altro Marx. Pisa: Della Porta Editori, 2014.
- Dangeville R. Lettres de Marx à Véra Zassoulitch // L'Homme et la société. 1967. № 5. P. 165–179.
- Engels F. Introduction to Marx's Class Struggles In France // Marxists Internet Archive. URL: <http://marxists.org/archive/marx/works/1850/class-struggles-france/intro.htm>.
- Frosini F. Da Gramsci a Marx. Ideologia, verità e politica. Rome: Derive Approdi, 2009.
- Gramsci A. Quaderni del carcere / V. Gerratana (ed.). Turin: Einaudi, 1975. Vol. III.
- Löwith K. Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History. Chicago: The University of Chicago Press, 1949.
- Marx K., Krader L. The Ethnological Notebooks. 2nd ed. Assen: Van Gorcum & Co., 1974.

- Marx-Zasulich Correspondence February/March 1881. The 'First' Draft // Marxists Internet Archive. URL: <http://marxists.org/archive/marx/works/1881/zasulich/draft-1.htm>.
- Marx-Zasulich Correspondence February/March 1881. The 'Second' Draft // Marxists Internet Archive. URL: <http://marxists.org/archive/marx/works/1881/zasulich/draft-2.htm>.
- Viparelli I. Crisis and the Revolutionary Moment: Marx and 1848 // *Actuel Marx*. 2009. № 2. P. 122–136.
- Альтюссер Л. За Маркса. М.: Практикс, 2006.
- Аристотель. Физика. Харьков: ЭКСМО-Пресс, 1999.
- Граммши А. Тюремные тетради: В 3 ч. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1.
- Из архива П. Б. Аксельрода. Русский революционный архив // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/z/zasulich_w_i/text_1881_pismo_marksa.shtml.
- Кант И. Критика чистого разума. М.: Академический проект, 2015.
- Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1.
- Маркс К. Капитал. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 5–11.
- Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23.
- Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 7.
- Маркс К. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4.
- Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Второй набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19.
- Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Первый набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19.
- Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Третий набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19.
- Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19.
- Маркс К. Письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19.
- Маркс К. Предисловие. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 5–9.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1975. Т. 45.
- Рансьер Ж. Понятие анахронизма и истина историка // *Социология власти*. 2016. № 2. С. 203–223.
- Ровелли К. Срок времени. М.: Corpus, 2020.
- Сталин И. О диалектическом и историческом материализме // Соч. М.: Писатель, 1997. Т. 14. С. 253–282.

THE MARXIST TRADITION AGAINST THE GRAIN

VITTORIO MORFINO. Professor of History of Philosophy, "Riccardo Massa" Department of Human Sciences for Education, vittorio.morfino@unimib.it. University of Milan-Bicocca (UNIMIB), 1 Piazza dell'Ateneo Nuovo, 20126 Milan, Italy.

Keywords: multitemporality; stadial history; Karl Marx; rural commune; theory of revolution; permanent revolution; overdetermination; non-contemporaneity; continuity; contingency.

The author develops the concept of plural temporality as a tool for revising the Marxist tradition. This concept was not explicitly formulated by Marx, but the author maintains that it takes a latent form in those of his works which expose the inadequacy of understanding historical development through a linear model or as unfolding in stages. The author finds traces of plural temporality in the *Critique of Hegel's Philosophy of Right* where Marx contrasts the modernity of German philosophy with the anachronistic nature of the German state. The article outlines the concept's growing influence over a series of works from the *Manifesto of the Communist Party* to *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte*. However, it is most distinct in two later texts by Marx devoted to the Russian rural commune (obshchina). Marx notes its unprecedented historical character as a product of pre-capitalist social relations that is nevertheless contemporary with capitalism. Therefore, it is not so a hindrance to the development of capitalism in Russia, but more a model of the type of collective labor and collective property that are an alternative to capitalism. Marx thought that the future revolution, if it happens at the "appropriate time," would necessarily establish the free development of the rural community and the superiority of Russian society over those countries in which capitalism dominates.

The author analyzes the works of Marx's followers who already consciously use the concept and metaphors of plural temporality in their works such as Ernest Bloch, Antonio Gramsci and Louis Althusser. In conclusion, the concept of plural temporality is not meant to completely refute the idea of a continuous course for history, but instead to elucidate its complex and contingent nature.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-137-167

References

- Althusser L. The Errors of Classical Economics: Outline of a Concept of Historical Time. In: Althusser L., Balibar E. *Reading Capital*, London, Verso, 1970, pp. 91–118.
- Althusser L. *Za Marksa* [Pour Marx], Moscow, Praxis, 2006.
- Aricó J.M. *Marx and Latin America*, Leiden, Boston, Brill, 2013.
- Aristotle. *Fizika* [Physics], Kharkiv, EKSMO-Press, 1999.
- Assoun P.-L. *Marx et la répétition historique*, Paris, PUF, 1978.
- Balibar E. *La philosophie de Marx*, Paris, La Découverte, 1993.
- Basso L. Marx: quale libertà? *Quaderni materialisti*, 2009, no. 7/8, pp. 69–87.
- Bensaïd D. Politiques de Marx. Marx K., Engels F. *Inventer l'inconnu, textes et correspondance autour de la commune*, Paris, La Fabrique Editions, 2008.
- Bloch E. Non-Contemporaneity and Obligation to Its Dialectic. *Heritage of Our Times*, London, Polity Press, 1991.
- Cinnella E. La lettera occultata. *L'altro Marx*, Pisa, Della Porta Editori, 2014.

- Dangeville R. Lettres de Marx à Véra Zassoulitch. *L'Homme et la société*, 1967, no. 5, pp. 165–179.
- Engels F. Introduction to Marx's Class Struggles In France. *Marxists Internet Archive*. Available at: <http://marxists.org/archive/marx/works/1850/class-struggles-france/intro.htm>.
- Frosini F. *Da Gramsci a Marx. Ideologia, verità e politica*, Rome, Derive Approdi, 2009.
- Gramsci A. Quaderni del carcere (ed. V. Gerratana), Turin, Einaudi, 1975, vol. III.
- Gramsci A. *Tiuremnye tetradi: V 3 ch.* [Quaderni del carcere: In 3 Parts], Moscow, Politizdat, 1991, pt. 1.
- Iz arkhiva P.B. Aksel'roda. Russkii revoliutsionnyi arkhiv [From P.B. Axelrod's Archive. Russian Revolutionary Archive]. *Lib.ru*. Available at: http://az.lib.ru/z/zasulich_w_i/text_1881_pismo_marksa.shtml.
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Kritik der reinen Vernunft], Moscow, Akademicheskii proekt, 2015.
- Löwith K. *Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History*, Chicago, The University of Chicago Press, 1949.
- Marx K. K kritike gegelevskoi filosofii prava. Vvedenie [Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie]. In: Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1955, vol. 1.
- Marx K. Kapital. Predislovie k pervomu izdaniuu [Das Kapital. Vorwort zur ersten Ausgabe]. In: Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1960, vol. 23, pp. 5–11.
- Marx K. Kapital. T. 1 [Das Kapital. Bd. 1]. In: Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], Moscow, Gospolitizdat, 1960, vol. 23.
- Marx K. Klassovaia bor'ba vo Frantsii s 1848 po 1850 g. [Die Klassenkaempfe in Frankreich 1848 bis 1850]. In: Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1956, vol. 7.
- Marx K. Manifest kommunisticheskoi partii [Manifest der Kommunistischen Partei]. In: Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1955, vol. 4.
- Marx K. Nabroski otveta na pis'mo V. I. Zasulich. Pervyi nabrosok [Entwürfe einer Antwort auf den Brief von V. I. Sassulitsch. Erster Entwurf]. In: Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 19.
- Marx K. Nabroski otveta na pis'mo V. I. Zasulich. Tretii nabrosok [Entwürfe einer Antwort auf den Brief von V. I. Sassulitsch. Dritter Entwurf]. In: Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 19.
- Marx K. Nabroski otveta na pis'mo V. I. Zasulich. Vtoroi nabrosok [Entwürfe einer Antwort auf den Brief von V. I. Sassulitsch. Zweiter Entwurf]. In: Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 19.
- Marx K. Pis'mo v redaktsiiu "Otechestvennykh zapisok" [Brief an die Redaktion der "Otechestvennyye Sapiski"]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 19.
- Marx K. Pis'mo V. I. Zasulich [Brief an V. I. Sassulitsch]. In: Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 19.
- Marx K. Predislovie. K kritike politicheskoi ekonomii [Vorwort. Zur Kritik der politischen Ökonomie]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1959, vol. 13. S. 5–9.
- Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1975, vol. 45.

- Marx K., Krader L. *The Ethnological Notebooks*, 2nd ed., Assen, Van Gorcum & Co., 1974.
- Marx-Zasulich Correspondence February/March 1881. The 'First' Draft. *Marxists Internet Archive*. Available at: <http://marxists.org/archive/marx/works/1881/zasulich/draft-1.htm>.
- Marx-Zasulich Correspondence February/March 1881. The 'Second' Draft. *Marxists Internet Archive*. Available at: <http://marxists.org/archive/marx/works/1881/zasulich/draft-2.htm>.
- Rancière J. Poniatie anakhronizma i istina istorika [Le concept d'anachronisme et la vrit de l'historien]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2016, no. 2, pp. 203–223.
- Rovelli C. *Srok vremeni* [L'ordine del tempo], Moscow, Corpus, 2020.
- Stalin J. O dialekticheskom i istoricheskom materializme [On Dialectical and Historical Materialism]. *Soch.* [Works], Moscow, Pisatel', 1997, vol. 14, pp. 253–282.
- Viparelli I. Crisis and the Revolutionary Moment: Marx and 1848. *Actuel Marx*, 2009, no. 2, pp. 122–136.